

Сука-любовь

Вот как бит вам покажет, где боль.
На рану, как соль, сука любовь... Сука-любовь...
Любовь цвета боли, любовной печали,
Любовь цвета крови, бегущей по венам,
Она так стонала, она так кричала, —
Я чувствовал телом.

"Фи, как некрасиво!.. Что за песня? Что за слова? Неужели нельзя выбирать что-нибудь приличнее, без этих скабрзностей... Ладно, я понимаю, мода, чтобы зацепить, шокировать... Одним словом, попса!"

А что, если я вам представлю историю двух одиноких сердец, смертельно раненных любовью (и это в наше прагматичное время!), о высоких человеческих чувствах. Эта удивительная история о романтической и безысходной любви так и будет называться "Сука-Любовь". С большой буквы.

Этим летом киевский Дом ученых пригласил нас с женой на встречу со столичными литераторами, представителями еврейских организаций, прессы. Будучи в это время в Одессе, где живет наш сын, мы взяли билет на ностальгический "Черноморец" и седьмого сентября рано утром прибыли в Киев. На перроне нас встречала организатор встречи Марина, хлопотливая женщина растяжимого возраста со следами былой красоты, достатка, уверенности и, к нашему удивлению, вместо того чтобы доставляться через весь город в какую-нибудь Дарницу, мы через двадцать минут оказались на Тарасовской в районе университета и уже входили во двор добротного шестизэтажного дома. Выперев свои чемоданы на высокий четвертый этаж, мы замешкались у дверей, а оттуда навстречу нам доносился отчаянный собачий лай. Вот так на три дня мы оказались среди Марины, ее мамы, двух собак и кошки с четырьмя котятками.

Нас сразу вынесло в город, который мы не видели пятнадцать лет, со времени нашего переезда в Германию. И опять по памятным местам: церковь Растрелли, Подол, Крещатик со следами памятного Майдана и опять тихая Тарасовская с громким собачьим лаем. Постепенно мы проникали в эту суматошную жизнь, которая была полностью подчинена домашнему зверинцу. Сначала было продемонстрировано святое кошачье семейство, и нам пришлось поумиляться. Собаки жили порознь. Одна — в передней, другая — в кухне. Жизнь наших хозяев была полностью подчинена стран-

ному собачьему ритуалу. На прогулку собак выводили порознь. Первой с Мариной отправлялась собака из передней, с бандажом от грыжи на крупе. С высокого четвертого этажа вниз и потом, соответственно, наверх. Затем ее силком отправляли в туалет, и из кухни под отчаянный аккомпанемент затворницы выводилась вторая, и опять тем же маршрутом — вниз и наверх. Когда я, забыв о ней, отправился в туалет, то она оттуда выскочила на рысях и бросилась к выходной двери. Ее трясло от возбуждения. При звуке проворачиваемого ключа, она совершенно осатанела и, царапая лапами дверь, лаяла безостановочно. Из гостиной с причитаниями выскочила сухопарая мамаша и начала оттягивать припадочную, чтобы дать возможность Марине со второй собакой проникнуть в дом. Та тоже незамедлительно включилась в процесс, и отчаянный лай еще долго звучал, пока собак растаскивали по местам. Эти странные боевые операции не раз разыгрывались на наших изумленных глазах. Вот тогда-то Марина и поведала нам историю об отчаянной любви и ненависти на всю жизнь.

Собачки эти попали к ним щенятами. Задрав хвосты, они гоняли вместе по комнатам, играли, катались клубком, вместе спали, ели из одной миски, сбегали с Мариной по крутым лестницам во двор... В общем, обычная щенячья жизнь без вопросов, без планов на будущее... Там недалеко гремел и разрывался Майдан, а здесь два кобелька жили и не знали, что жизнь — ой, какая штука! Так прошло пару лет. В доме появилась кошка, пошли котята. Ничто не нарушало идиллии. И вот год назад подруга Марины срочно должна была уехать и слезно упростила взять на месяц ее любимую собачку, зная, что той у Марины будет хорошо, — и уход, и внимание, и любовь. А вот эта сука-любовь и порешила враз эту безмятежную жизнь, взорвала ее и выпотрошила наизнанку. Вначале наши собачки дружно проявляли внимание к госте. Вместе обнюхивали, вместе бегали за ней следом, сторожили ее у дверей. Но тут на глазах неискушенных простофиль дама стала вести себя самым странным образом. Она скулила, выгибалась, и от нее исходил такой будоражащий запах, что весь образ выдержанных собачек из приличной семьи спал, как шелуха. Они вмиг обезумели. Они атаковали нежное создание, загоняя ее в угол. Женщины растаскивали их в разные стороны, те огрызались, стараясь вырваться, одна раз даже тянула старую хозяйку.

Жизнь проходила в сплошной суматохе, в погоне за алчущими животными, в причитаниях женщин и грызне бывших приятелей. А однажды, когда им все-таки удалось прорваться в вожаемую гостиную, где обреталась гостя, они устроили свалку, рвали остервенело друг друга, захле-

бываясь в истошном лае, забыв о цели и причине любовного недуга. Тогда-то и пришлось их расселить по разным территориям.

По прошествии месяца даму их сердца забрали, а противостояние продолжилось и превратилось в затяжной конфликт. Мы оказались в этой квартире год спустя после памятных событий, а накал был такой, будто только вчера сыпанула "на рану, как соль, сука-любовь".

И каждый день "они так стонали, они так кричали, — я чувствовал телом".

Начинала всегда запертая в кухне, и ей тут же вторила та, что была в передней:

— Ты, подлый, да знаешь ли, что ты поломал мне всю жизнь?

— Это я? Да что ты вообще знаешь о любви? Это такое чувство!

— Врешь! Это на меня она так смотрела! До сих пор я чувствую какой своей клеточкой..

— Никогда не прощу я тебе! Ты разрушил все мое счастье! Из-за тебя я стал инвалидом.

— И поделом!

— Поделом? Из-за тебя у меня грыжа! Целый день я лаю по твоей милости, а ты не слышишь! Моя любовь...

— Твоя? Ее зеленые глаза до сих пор стоят перед моим взором.

— Зеленые? Вот ты и выдал себя! Карие глаза, карие! Ты должен отступить! Твое чувство пустое! Карие глаза, карие!

— Никогда не убедишь ты меня! Я разделаюсь с тобой! Выпустите меня!

— Ноги коротки!

— Мужлан!

— Монстр! Из-за тебя жизнь моя пошла прахом! Без семьи, без детей.

Никто на старости лет не окружит меня...

— А обо мне ты подумал? Мы могли быть такой удивительной парой...

— Никто теперь из-за моей грыжи не глянет в мою сторону...

— А мой порок митрального клапана?

— О-о-о...

— У-у-у...

— Сука-любовь...

— Она так стонала, она так кричала...

— Я чувствовал телом...

И так все дни, что мы были там. И так все дни после нашего отъезда. А недавно я позвонил в Киев Марине и сразу услышал фоном:

- Ноги короткие!
- Мужлан!
- О-о-о...
- У-у-у...
- Сука-любовь...
- Да, сука-любовь, — сказал я, забывшись, Марине.
- Что? — опешила она, — как это?

Ее классическое воспитание, ее надтреснутое сердце милой старой девы вдруг куда-то ухнуло, а когда вернулось на место, то ли догадка, то ли неосознанное чувство утраты осталось где-то там, на его дне.

Я не стал уточнять. К чему? У каждого своя история. И только среди ночи летит по всему миру:

- У-у-у...
- О-о-о...

Дюссельдорф

